

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

II-й ГОД ИЗДАНИЯ

СОВРЕМЕННЫЙ

17-го июня
1928 г. № 24-25

ЖУРНАЛ НАРКОМПРОСА

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Отв. ред. А. Р. ОРЛИНСКИЙ

Зав. ред. А. И. ГИДОНИ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Теа-Кино-Печать, Страсти. бульвар 4, тел. 2-88-90.

ПЕЧАТЬ

„ВИШНЕВЫЙ САД“ В МХАТ'Е

БЕЗ РЕВИЗИИ

Почти четверть века легло между премьерой «Вишневого сада» в Художественном театре (17 января 1904 г.) и сегодняшним днем. Десять лет, — и каких лет! — прошло с тех пор, как выпал «Вишневый сад» из репертуара МХАТа. Теперешнее его возобновление, поэтому, приобретает особое значение.

Десять лет отсутствия в репертуаре этой чеховской пьесы были годами, когда исследовательская мысль успела произвести некую ревизию тому традиционному взгляду на «Вишневый сад», который твердо держался с момента его первой постановки.

После публикации писем А. П. Чехова к его жене О. Л. Книппер стало ясно некое расхождение между театром и его автором. Оказалось, что Чехов остался недоволен постановкой и полагал даже, что театр «сгубил» его произведение. Это потому, что театр не хотел принять его — автора — точки зрения на пьесу, как на пьесу, прежде всего, комедийного тона. «Веселая комедия — почти фарс», а театр продолжает именовать «Вишневый сад» драмой. Театр, раскрывая лирическое настроение, замедляет темпы.

Разбираясь в этих укорах и тщательно восстанавливая самый процесс работы Чехова над пьесой, приходишь к выводу, что вопрос был вовсе не в том «сгубил» или не губил Станиславский и его театр пьесу, а только в том, что сама пьеса, начатая в одной установке, с явно акцентированной комедийной струей, может быть, действительно, фарсового характера, в окончательной своей отделке, в силу разных обстоятельств, вышла далеко не свободной от противоречий. На ней так и остался лежать некий двойственный оттенок. Конечно, она и задумана, и выполнена все же в несколько новой манере для Чехова, далеко отличной от той, которая нашла свое идеальное выражение в «Дяде Ване», и «Трех сестрах». Тут разница, прежде всего,

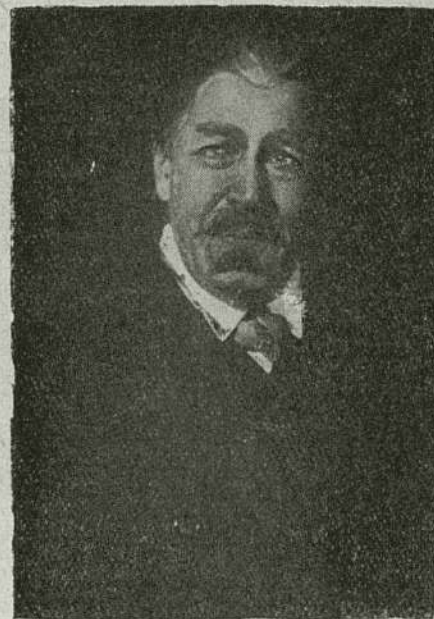
в идеологии. Надо вспомнить, что «Вишневый сад» писался в знаменательнейшую эпоху русской истории — в веяниях собиравшейся революционной грозы, накануне короткой либеральной «весны», в эпоху несомненного подъема в слоях передовой интеллигенции. Важно заметить, что уже «Три сестры» были встречены критикой далеко не восторженно. Критика находила, что при всем мастер-

О. Книппер-Чехова—Раневская

стве пьеса повторяет старые перепевы. Да и сам Чехов как раз в эти жедни в одном из дружеских своих писем признавался, что «надоело кисляйство».

То, что для старого поколения собственников — Гаевых — могло восприниматься драматически — вынужденный уход из родового гнезда — это самое для Чехова — сына таганрогского лавочника — отнюдь не зараженного дворянским пониманием истории, событий и психологии людей — для него это вовсе не было насыщено такой элегической струей. Отсюда и перенесился акцент на комедийное звучание. Но и формально, в процессе уже самого писания пьесы, Чехов на-ходился под сильнейшим воздействием водевиля. О водевиле мечтает он, уже замысливая «Вишневый сад», а работая над ним, он в то же время переделывает старый свой водевиль «Лекцию о вреде табака».

К. Станиславский—Гаев

Но то, что читали Немирович-Данченко и Станиславский в окончательной редакции пьесы, давало им слишком мало материала для того, чтобы соглашаться с авторскими суждениями. Текст дан в полном противоречии с замыслом. И многие образы все же остались образами драматическими, а не комическими. Чехов, переписывая на-бело законченную пьесу, — переписывал уже не то, что было в его первоначальных набросках. Он уже знал, что от многого ему придется отказаться, прежде всего, потому, что в театре нет целого ряда актеров, которые могли бы сыграть задуманную им пьесу именно в плане комическом. Отсюда претерпела полное крушение и авторская разметка ролей. Чехов предлагал одних исполнителей, режиссура выдвинула других.

Художественный театр, возобновляя «Вишневый сад» в этом году, не мог, конечно, не считаться с тем, что в отношении пьесы производилась как бы некоторая ревизия ее традиции. Поэтому совершенно понятно, что, оставаясь в основном прежний к ней подход, даже не исправив на афише определения пьесы — так и осталась «драма» — хотя сам Чехов ни разу, и ни в одной рукописи не называет «В. С.» «драмой». Художественный театр только частично старался выполнить требования Чехова, постольку, однако, поскольку эти требования не противоречат материалу, в самой пьесе данному. Чехов, например, пишет, что действующие лица у него почти не плачут, но достаточно взять карандаш и посчитать его собственные ремарки, чтобы убедиться в том, что плачут много и многие. И плачут, и говорят сквозь слезы. Чехов требует от режиссуры, чтобы 4-й акт шел 12 минут, а театр при всем желании ускорить темпы, не может сыграть это действие меньше, чем в 27—30 минут. Таков текст, таково внутреннее подводное его течение!

Но то, что можно было сделать в смысле некоего освежения пьесы, сделано — в особенности это сказалось на темпах 1-го акта, в котором стало гораздо больше движения и в котором слышится гораздо больше смеха, чем это было раньше. Но вот 2-й акт неизбежно должен был пройти несколько тягуче. Напротив — третье действие, с его движением — танцы, фокусы и т. п. — с его большим драматическим подъемом к финалу — заключительная сцена Лопахина с Раневской — это действие прошло достаточно динамично. Кое что уменьшено в смысле создания элегического настроения и в последнем акте.

Художествен. театр, разумеется, не мог, в силу всех своих традиций, в силу исконного своего понимания задач театра, перевернуть «Вишневый сад» так, чтобы пьеса, даже вопреки тексту, звучала именно как комедия, «почти фарс». Это значило бы убрать всю почву, на которой до

сих пор жило искусство Художественного театра. Мы сейчас совершенно не выдвигаем проблемы возможности в будущем этой полной сценической ревизии постановки Художественного театра. Мы не предпрещаем вопроса, допустима она или нет. Мы хотим подчеркнуть лишь, что Художественный театр, по самому существу своему, как театр глубокого реализма, не призван для таких ревизий.

Поэтому теперешняя постановка «Вишневого сада», являет законченный и убедительный пример того классического мастерства реалистического искусства, каким владеет Художественный театр. В этом его ценность. И это несколько не заглушает большого исторического значения возобновления пьесы, как пьесы, рисующей с изумительной яркостью картину распада помещичьего строя, картину смены одной «системы хозяйства» — другой системой.

Н. Подгорный и А. Тарасова—Трофимов и Аня

ЮР. СОБОЛЕВ